

Владимир ПОДЮКОВ (Пермский край, Б-Сосновский район, д. Селетки) **СТАРООТЕЧЕСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы не судьбоносная встреча, то, возможно, не было бы вообще никаких бывальщин. Впрочем, и мое мировоззрение было бы несколько иным.

Как бы обо всем возможно короче рассказать?

Пожалуй, начну с друга. Имя друга называть не буду — не любит он огласки: очень серьезный человек. Я-то с детства разиня, а он, сколько его знаю, всегда был строг к себе. Случайно познакомились, в автобусе. Я только на журналистский путь встал. Он — начинающий геолог. Разговорились. Когда выяснилось, что оба не употребляем спиртное, повеселели. Он мне про свое увлечение рассказал. Оказывается, с детства собирает боевые приемы.

— Веришь ли, очень обидно, — сокрушался он. — Столько боевых искусств в мире, а все не наши, не русские. Не может быть, чтобы на Руси не было своей боевой системы! Помню, в вузе историк очень грамотный был. Любого историческими фактами задавит. Однако на каждом зачете, прежде всего, спрашивал о взглядах Карла Маркса на историю России. Я как-то и задал ему свой наболевший вопрос. Так историк только рассмеялся: какие приёмы, а тем паче — боевую систему, могут придумать

«невежественные рабы, пьяницы и лентяи»?! Может он и прав, раз всегда говорят: «Выпьем по-русски...» И пьянства, посмотри, сколько кругом...

С той поры и подружались. Однажды друг из очередной командировки вернулся. «Нашел я! — говорит необычайно радостно, словно пудовый золотой самородок отыскал. — Дед в тайге живет. В доверии я у него. Много чего мне он показал. Слышал что-нибудь о русском круговом бое? А про старину такое порассказал — ты ни в каких книжках еще о том не прочел!» Меня словно водой окатили! «Все! — говорю. — Везешь меня к своему деду!»

Друг согласился. Повез меня в таежные места. С грехом пополам добрались. В глухом месте нашли деревню. Дико мне показалось: электричества даже нет! Как, думаю, они тут без радио, без телевизора выживают? Одичали, наверное, без культуры. Только селяне радушные попались. Друга сразу узнали.

В добротный дом с другом зашли. В горнице светло. В «переднем углу» — иконы. Поразили глаза на образах — живо смотрят! Внимательно так; но с пониманием.

Под образами за столом дед сидит. Белая холщовая рубаха, седая борода, весёлые глаза.

— Мир дому сему, — говорит друг.

— С миром принимаем, — отвечает дед и как родного друга обнимает. Мне тоже руку крепко жмет: «Ильей Даниловичем от роду зовут. А тебя как, добрый молодец?»

Не буду утомлять дальнейшими подробностями, скажу лишь: и я в доверии у деда оказался. Свобода была в то время моей спутницей. Потому прожил у деда порядочно времени. Много про старину наслушался. Тут бы и прибывальщину закончить и к бывальщинам переходить. Только хотелось бы еще задержать ваше внимание, и о деде чуть-чуть рассказать.

Как я понял, дед был почти ровесник двадцатого века. Он пережил всё, что перенесло наше многострадальное Отечество. Видел бойню Гражданской, раскулачивание, голод, холод. И кровушки своей не пожалел в двух войнах — Финской и Отечественной. Был и в окружении, и во вражеском плену, и в партизанах, и от советского плена — ГУЛАГа — не увернулся. Однако время в советских лагерях вспоминал с радостью: университет, мол, на зоне окончил. Фронтовик Коловратов стал защитой для профессора-историка. От бескорыстной дружбы хранителя древнерусских традиций с носителем научных знаний вышла бесценная польза для обоих.

Много чего наслышался я от хуторян про деда. Об одном случае не могу умолчать. Помог дед одному высокопоставленному чиновнику исцелиться от какой-то болезни. Врачи рукой махнули, а дед помолился — чиновник исцелился. Плату, как обычно, дед не взял. Так тот чиновник на вертолёте прилетел. «Вот, — говорит, — вам, Илья Данилович, государственная награда за все ваши бескорыстные труды». Только дед уперся: «Напрасно вы, уважаемые гости, из-за меня беспокоились. А награда моя не здесь на земле, а у Господа на небесах. Грешен, конечно, безмерно, но надеюсь на милость Божию...» Чиновник и так, и сяк. Дед ни в какую: на небесах моя награда, и всё тут! Так с наградой вертолёт обратно и улетел.

Как-то и при мне случай был. Под вечер дед сообщил, что завтра больную приведут. Дед свечи затеплил и всю ночь молился. Поклонов земных немереное число положил. Я для интереса вздумал было их просчитать. Да на пятой сотне уснул. Утром, чуть свет, больную девочку родители привели. «Чахнет что-то, — говорят, — помоги, дед». Только дед от этой просьбы почему-то суровым стал. «Бога, — говорит, — надо об исцелении просить, а не немощную тварь!» Но с дороги гостей покормил. После с родителями уединился да о чём-то долго с ними говорил. Несколько раз голос старика грозно звучал. После беседы родители выглядели как пристыженные школьники. А дед ласково так девочку по головке погладил. В руку свечку зажженную дал. Пред образами лампадку зажег, свечи поставил. И молиться стал. Долго молился. Родители с девочкой тоже в положенных местах Крестным знаменiem себя осеняли.

Я половину поленницы дров поколол, когда дед вывел гостей на крыльцо. «Ступайте, — говорит, — с Богом. Да всё, что заповедал, соблюдайте. И в церковь ходите. И на исповеди бывайте в каждый пост. А девочка ваша исцелится». Родители, видимо, плату предлагали. Дед едва не рассердился: «Не я, говорит, лечу, а Господь есть Истинный Лекарь».

И другой случай вспомню. Осень выдалась сухая. Как-то ранним утром дед поднял меня. «Пойдём, — говорит, — пожар тушить». Выбежал я вслед за дедом. Огляделся. Огня не видно. Принюхался. Гарью не пахнет. А дед уж за деревню убежал. Рукой мне маячит. Я за ним припустил. Едва догнал. Никак не ожидал от столетнего старца такой прыти! Долгонько по тайге бежали. Вот уж заря розовые крылья раскинула. Вот уже и солнце красавицу землю целует. Устал я. А дед торопит: не отставай! Вскоре и впрямь гарью запахло. После треск стал доноситься. На очередной взгорок поднялись — открылась страшная картина — на соседнем увале огонь взхлёб тайгу жует!

Тут дед вытащил из-под полы древнюю икону Пресвятой Богородицы. Этот святой образ был семейной драгоценностью Коловратовых и передавался из поколения в поколение как особое благословение старшим сыновьям. Прижав икону к груди и обратив лик Небесной Заступницы в сторону пожара, дед опустил на колени. И заплакал. Губы его что-то шептали. Я не мог остаться равнодушным и тоже пал на колени. Как мог взмолился к Всевышнему.

Факт остаётся фактом, но не прошло и нескольких минут, как на горизонте показались тучи. Постепенно всё вокруг потемнело. Пошёл такой сильный дождь, что мы с дедом быстро вымокли до нитки. Несмотря на это, необыкновенное счастье наполняло наши души!

После чудесного избавления тайги от пожара — а что тогда случилось чудо, в этом я не сомневаюсь — я доверился деду. Он же, чувствуя моё сердечное расположение, стал по-отечески направлять меня. Был строг, подчас очень строг, но без меры милостив.

Рассказывая бывальщину или вспоминая пережитое, дед всегда хвалил Господа Бога. А частушкой из «Русского» начинал и заканчивал свои беседы.

Часто, прикрыв глаза, как наяву вижу радостные глаза деда и слышу его хвалебную песнь:

— Да восхвалим мы Господа!

Да восхвалим мы Господа!

Слава в вышних Богу Отцу!

Слава Сыну Иисусу Христу!

Слава, Слава, Слава Духу Святу!

Да Пречистой слава Матушке,

Пресвятой Богородице!

Ал-ли-луй-ия! А-ал-ли-и-лу-у-и-я!..

Конечно, не обо всём поведал мне дед. Да и мне говорить не всё дозволено: тайны должны оставаться тайнами. Уж не обессудьте! Однако без угощения не отпущу! Некоторые из бывальщин, что дед рассказывал, и вам поведаю. Только он — повар высшего разряда. А я — начинающий поварёнок. Его речь подобна реке. То ручейком радостно звенит. То вдруг взбеленится и пойдёт перекатами да омутами. Или внезапно забурлит, забурлит водоворотами. А то и водопадом вниз ухнет! Но, наконец, остепенится и пойдёт ровно, полноводно, аж берегов не видать! Что до меня — суховат и косноязычен. И не стал бы позориться да бывальщины писать, если б добрые люди не упросили.

Завёл квашню. Печь жарко протопил. Пирог настряпал, начинки не жалея. Испёк. Вот они, с пылу-жару! Угощайтесь, люди добрые! Да не шибко судите, если не по вкусу: кто-то и сухарю рад, а кому-то и манна небесная поперёк горла.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

— ... Тут и подошел Великий пост к Русской земле. Спрашивает: «Дозволь погостить?» Земля отвечает: «Гости, места не жалко. Зри, как меня разнесло. Это я среды да пятницы не соблюдаю, в посты мясо ем да маслом обжираюсь. Богу мне молиться стало лень. Да и в сомнении я: есть ли Он вообще на белом свете? Соседи-то мои уж давно Бога не признают, богатству кланяются. И живут себе припеваючи. Что мне-то кожилиться? А ты заходи, места всем хватит». Вошел Великий пост погостить, а Бог с небес ему и говорит: «Оставляю-ка я тебя здесь хозяином. Не хотят русские люди Моих праздников, бьют Моих помазанников, гонят любящих Меня, слушают поносящих Меня, да еще и Мамоне кланяются. Пусть поживут без Моих праздников, без моих помазанников; пусть водят их нечестивые, пусть насытятся от Мамоны. А там погляжу. В Моем саду Я Господин: одни отрасли лелею, другие деревья от сухости избавляю, от высохших деревьев лишь корень оставляю. Если доброй поросли корень не даст — корень выдерну и доброе древо посажу». Вот и ныне Великий пост на Русскую землю вошел. Сколько прогостит — о том лишь Бог ведает.

— Дальше, дальше, деда! — залопотали с печи малыши.

— Дальше суд Божий покажет, как жизнь ляжет, — протянул Абрам Иванович, вытягивая суровую нитку из валенка. — Эк ты, Илюха, обутки проносил! Дыра на дыре! Сам бы и подшивал подошвы-то. А то: «На-а, деда». Как будто у деда другой работы нет!..

— Бывальщину, бывальщину, деда! — стрекочут с печки младшие братья. — Про русских богатырей!.. Про Коловрата!.. Про Александра Невского!.. Про Куликово поле!.. Про

Потаню хроменького!..

— Цыть, вам говорят! — чешет затылок дед. — Сколько вам говорено-переговорено — все мало! Счас отправлю в горницу к отцу с матерью али в светелку к сестрам! Спать давайте! Завтра сполошный день. Тятку вашего на войну будем провожать... Ну, Илюха! Надо ж такие дыры намозолить!..

Илья слушал мурлыканье деда, и глаза его слипались. Взгляд его падал то на иконы, то на длинный стол, то на деда, склонившегося над валенком. Подошла дрема, укутала забытьем. Видит Илья весьма растолстевшую бабу. Все крыльцо задом своим заняла — в дом не войти. Тут красавец писанный подбоченься подходит. Шапка у молодца на затылке, кудри — лба не видать, из карманов леденцы вываливаются. «Не ты ли, красавица, меня ждешь?» «Я, где ты лучше-то найдешь?» «Дозволь же войти к тебе в дом». «Заходи, места не жалко». «Как же я пройду, когда ты своим задом все крыльцо заняла?» «А ты через окно сигай!» «Ай, ай, ай!..»

— Ай! Илья! Развалился, медведь. Руку отдай! Отдавил всю-у-у!

Илья очухался, повернулся, опрастывая руку младшего брата. И снова в забытье провалился. Всю оставшуюся ночь от толстухи бегал, а красавец кучерявый в окно скалился. Наконец, схватила его толстуха да посадила огромные валенки подшивать. Вместо шила — кованный гвоздь вручила, вместо ниток — веревки. Сама рядом села семечки лузгать. Силится Илья сбежать — куда там! Связала его толстуха, руки лишь освободила: «Будешь поститься! И валенки мои подшивать! Вставай давай, не притворяйся!»

— Илюха, вставай давай! Пробуждайся, тетеря! — шепчет дед.

Илья тряхнул головой, мороку отбросил.

— Вставай живо! Уж вторые петухи поют. Забыл что ли, что отца забирают?

— А-а, счас я.

Все утро пробегал Илья как во сне. Что-то подносил, что-то уносил. Когда скотину пошел управлять, только в себя пришел. Но вернулся в избу, помолился, позавтракал со всеми и снова: «Поднеси — унеси!» К вечеру гости съехались. Кто коней чужих доглядит — опять Илья! Когда только младшие подрастут? Сена коням навалил и в село свалил. Ищи его по зимним тропиночкам в метельной темноте.

А Катя за амбарами уж заждалась. Расспросами завалила: «Сколько гостей? Да откуда? Есть ли девицы? Да красивы ли на лица?» Илья ничего не таит, но привирает. Особенно про девиц. Понаехало, мол, столько, что цветов в садке — одна другой краше! Звали с собою за стол.

— Едва не соблазнился — ладно про тебя вспомнил.

— Очень надо, франт какой! — надула губки красавица. — Отправляйся к своим невестам! Иди к ним со своим фонарем, а мы и без фонаря проживем!

— Ты моя невеста, и другой мне не надобно! — притянул Илья девушку к себе. — За морем — красавицы, а у меня — царевна!

— Это кто тебе такое сказал? — заупрямилась девица — Поди, какой умный! Нать-то все журналы с газетами прочел, какие тятке купцы привозят?

— Ты поболе моего прочла...

— Ой, Илюша! А как германец осилит нас? Намедни раненый с фронту шел. Говорит, тяжело ныне, германцы с австрияками на нас всю силу повернули.

— Тятя говорит, что когда на японскую ходил, тоже сперва тяжело было. А потом ниче. Рассея, говорит, только ногами уперлась, а у Японьи уж поджилки затряслися! Резервы, говорит, у нас огромные. Я так понимаю, навродя Куликова поля, в засадах надежи у нас дивно схоронено. Ниче, раз тятка на войну идет, то порядок будет! Он там шороху наведет! Ставь германцы стенки в десять рядов — пробьет! Дед рассказывал, как тятку приглашали в город, за суконщиков постоять. Так он едва не один супротивную стену разогнал! Наших-то вон уж сколько на Отечественную ушло. А прибавь, сколь народу со всей Рассеи собралось — какая стена наберется! Если...

— Интересас тобой мало, Илюха. Одни у тебя разговоры про бои да бои. Вон с города красавец с купцами приехал. Девки говорят, баской. Видал, поди? Высокий такой, чернявый, как цыган.

— А че ему в городе-то не поглянулось? — опустил парень руки.

— Кто его знат? Одни говорят, что проворовался. А может это сам революционер от властей скрывается?! Они, революционеры-то, девки говорят, мученики.

— И кафтан греет, когда шубы нет! Тятя бает, что революционеры все безбожники, — сказал Илья и отошел в сторону. — Коли тебе тот чернявый люб, так и скажи. За подол не держуся. Бог венцом скажет, с кем мне судьбу свяжет.

— Ну и больно надо! Косых да рябых под горою в избытке! Так и скажи, что не любил!

Катерина резво повернулась и побежала прочь. «Красавца, видите ли, ей подавай! — заворчал парень. — Про бои, да про бои!.. Кривы наши дрова, да прямо горят!» Илья сдвинул шапку на затылок и пошел по селу. Вскоре ребят встретил. Вместе пошли.

— Эх-ма! Пушай бьют, пушай колотят!

Мы оцапаны уйдем!

Мы отчаянны головушки

Нигде не пропадем!

— Ты че, Илюха! — отшатнулись парни от молодца. — Великий пост на дворе! Разве можно частушку травить?

— А у меня тятка ноне уходит Отечество защищать! Вот и спел на дорожку... Прости меня, Господи, окаянного.

Внезапно в самом центре села рядом с церковью тряпнула гармошка. Парни переглянулись.

— А вы говорите: частушку травишь! Во-о, гуляют люди! — воскликнул Илья и осекся. — Слышь, а кого еще забирают? Вроде из села один тятя уходит? Кто ж это в Великий пост Господа гневит?

Ватага бросилась рысцей к центру и скоро была у церкви. Возле фонарей-коптилок заметили они гармониста, а чуть поодаль — девок да парней. Гармонист был навеселе и не щадя рвал мехи. Частушки, одна похабнее другой, слетали с его уст.

Ватага подбежала и остановилась возле парней с девушками.

— Это кто Великий пост срамит? — строго спросил Илья.

— Да вот, не иначе худой человек, коли скверными словами кидается, — зашептали девчата. — Из наших так никто бы не посмел. Не наш он.

— Да это из города с купцами приехал, — загалдели парни. — Мы его было пристюнули, так он коршуном налетел, всех раскидал. Я, говорит, свободный человек, что хочу то и делаю. Коли на возрасте без семьи шатается, стало быть — голь перекатная: лодырь или вор.

— Э-э, паря! Ты бы не гневил Господа в Великий пост, — уверенно пошел Илья на заезжего. — В чужой монастырь со своим-то уставом не ходят. Если в гостях тут, то веди себя как гость. Коли выпил, так добрым людям на глаза не кажись и не срами себя. А ты еще и скверну изрыгаешь!

— Ча-аго! — гроыхнул детина и отбросил гармошку. — Ча-а-го, щанок! Самому Грициану указ чинить! Городовой что ли?

Детина вскочил, показывая завидную прыть. Стало быть, захмелевшим более прикидывался. Однако ж перегаром дохнуло — коня свалит.

— Да я, щенок, таких как ты по городам как тараканов давил, — зарычал детина и кинулся на парня.

Уклонился от удара Илья и не жалеючи подчерпнул в челюсть! Детину подбросило и шмякнуло на утопанную дорогу. Шапка его слетела, голова гулко стукнулась.

— Убил! — взвизгнули девчата.

Парни окружили детину. Илья наклонился, пощупал шею.

— Живо-о-ой. Оклемается — сам встанет... Грициан... чернявый...

Отец уехал на следующий день. Скоро стали приходить от него письма. Дед, доселе при свече читавший Псалтырь, стал говорить, что ослеп: возле солнечного окна никак не мог разобрать отцова почерка. Звал невестку, Илью или старших внучек. Слушал, склонившись низко, потирая глаза. Дослушав, шептал: «Худо. Ох, худо на фронте. До того, видимо, мы грешные в Расейской нашей стране, что попускает Бог нашествие супостата».

Весной дед собрался, взял иконы да крест и ушел в «дальний скит». Бога умолять о помиловании Отечества. Поселился дед в лесу, верстах в семи от села. Илья за старшего с хозяйством управлялся. Приходилось вставать пораньше, ложиться попозже. Сестер с братьями тоже к работе определил. Мать, было, советовала: заводи свое гнездо, мы уж как-нибудь управимся. Илья как отрубил: «Пока тятя не вернется — о женитьбе и разговору нет!».

Через год письма от отца повеселели. Сообщал, что наладились дела и скоро германца прогонят совсем с земли. «Сто лет назад прадеды в Берлине были, и мы, даст Бог, по Берлину пройдемся!» Но не прошло и года, как издаля стали приходить тревожные письма. «Измены много, а откуда идет — непонятно, — сетовал отец. — Меж солдатами и командирами распря пошла: нам на горе, а врагам на радость. Германцы тоже от сего страдают. Но у них резервы на исходе, а наши лишь погребя открыли... Тут возле госпиталя встретил купца Ефрема Онуфриева. Вам кланяется. Говорит, что недавно в Германии был. Так Берлин на кладбище похож. А в наших столицах, говорит, ничего, жить можно. И воинские склады провиантом забиты, только доставка худо поставлена. Рад за вас, что Бог голод отводит...»

Вскоре отец стал писать редко. Сообщал о том, о чем уже знали в Караваевской округе: царь от престола отказался, бунты в столицах, местами на фронте неразбериха. «Счас бы объединиться, да врага добить, — горевал Данила Абрамович. — Так вместо дела игрой соблазнились. Революцией называется...» Прошел еще год, и отец стал с обидой жаловаться, что фронт развалился и немцы, чьи силы еще недавно можно было легко опрокинуть, перешли в атаку.

Стали возвращаться с фронта сельчане. Данила Абрамович вернулся к Петровому Дню. В Караваево Петры и Павлы были на особом почете, потому к самому празднику изгадал. Обнял всех. В церковь сходил. Земляков собрал на застолье.

— Любит тебя Святой Георгий! — восхищались фронтовики, садясь поближе к атаману.
— Смотри, как тебя своими крестами одарил!

Помянули в молитвах павших за Отечество. Разговоры завели о жите-бытье, каждый раз возвращаясь к неутешительным итогам войны.

— Германец исстари на две стороны молился, — говорил Данила Абрамович. — В одну сторону Христу поклонялся, а в другую — падшему ангелу, которого германец до самого храбрейшего героя вознес. Если бы мы победили да о немощи тленной германцу напомнили, тогда бы он только Господу кланяться стал. А как у нас боевой дух весь вышел, так германец и набросился на наше Отечество как голодный волк. Видел я, как он эшелонами к себе добро с нашей земли увозил. Союзники кричат, что укорот дали германцу и войне конец. Только я так мыслю, братья: гордыня с германцем осталась. Он-то себя обиженным считает. Посему второго нет: отвернется от Христа да к герою своему, горделивому, обратится. Стену выставит — мир содрогнется. Многие фронтовики, с кем домой добираться пришлось, сокрушались: давить надо было германцеву стену до последу. А так: ни победы, ни мира: одно разорение да бунты!

— А что власть-то у нас? Безбожная али пролетарская?

— Наша власть — Бог! — спокойно, но очень уверенно сказал Данила Абрамович. — А

на земле какую власть поставит Господь, с тою властью и жить придется. Деды наши в родном Дому не раз как пасынки живали. И ничего, сдюжили! И мы должны сдюжить... Вот сына хочу женить, пора ему род продолжать. Давайте-ка, братья, не будем рушить традицию, воспоем за столом о Господе.

И первым затянул:

— Господи помилуй, Господи прости

Помоги мне, Боже, Крест свой донести.

Ты прошел с любовью свой тернистый путь,

Ты нес Крест безмолвно, надрывая грудь

И за нас, распятый, много Ты терпел,

За врагов молился, за врагов скорбел.

Я же слаб душою, телом также слаб

И страстей греховных я преступный раб.

Помоги мне, Боже, щедрою рукой,

Ниспошли терпенье, радость и покой.

Грешник я великий на земном пути.

Господи помилуй, Господи прости...

На следующий день Данила Абрамович распоряжение вынес: осенью старшему сыну дом ставить и зимой женить молодца. Тем же заворотом отец Илье велел снарядиться. Кума вызвал и полотенце ему через плечо повязал: «Сватом будешь!» Рубаху-косоворотку поясом заправил, государевы награды начистил, на святые иконы перекрестился. Махнул рукой: «С Богом!»

Родители Катерины рады были приходу уважаемых гостей. Особливо обхаживали Данилу Абрамовича. Даже Илью не иначе как «Илья Данилович» величали! Катерине велели принарядиться и прислуживать дорогим гостям. Катерина пожеманилась и сделала вид, что покорилась воле родителей. А сама-то как рада была! Пока война-то шла, Катина ровня давно уж замуж повыходила. Многие девки, бывши и младше её, подросли. Горластые стали. Частенько они возле дома Коловратовых с песнями задерживались — Катерину аж жаром обдавало! И за Катерину не раз сватались парни, некоторые даже издаля приезжали, да она все отказывала. Смелы вороны, высоко летают ястребы, но не сравняться им с соколом: он и смел, и летает высоко; а уж как быстр — всех впереди! Наконец, дождалась-таки сватов от Коловратовых.

Слава Богу, сладилось дело. Тут бы радоваться. Да новая власть о себе напомнила.

Еще по весенней распутице новая власть в село приехала: в двуколке с гармошкой да бутылью самогона. Вышла власть, да и упала в грязь! Мужики подбежали. Приподняли, лицо обтерли и обмерли: Грициан! Хотели под замок посадить, а он мандат достает: уполномочен строить новый режим! Как отоспался, над старым амбаром вывеску приколотил: «Совет». После стал по дворам бегать с маузером на боку. Едва бока не

намяли: весенний день зимой не вернешь! Не путайся под ногами. Грициан матом выругался, побегал по округе с недельку, да и укатил куда-то.

Селяне все на вывеску поглядывали.

— Это с кем у него совет?

— Ясно с кем... У нас Завет, а у него совет. Раз дьявольскую кровь жрет, стало быть, с бесами совет держит. Недаром от него разит, как от преисподни, прости меня, Господи. Пьяный что чумной — тот же больной. Поди, весь ум пропил — ничего здорового не осталось в голове. От такого добра не жди. Где трезвый от греха бежит, там пияница тьму грехов совершит: одуреет, сворует, сблудит, убьет...

Долго Грициана не было. Думали: сошел чирый с мягкого места. А он снова соскочил! Да не один, а с вооруженными шинелями. Погуляли они в амбаре вечер. Наутро в селе хватились: снова Грициана нет. И священника сыскать не могут. Стали дознаваться и сошлись на том, что силком увезли батюшку. Мужики хотели вооружаться да скакать на выручку духовного отца. Тут Данила Абрамович с фронта вернулся, остудил горячие головы: того только новой власти и надобно, чтоб нас в бунтовщики записать да солдат в Караваево послать.

Седмицу без священника службу вели. Глядь, снова Грициан с охраной заявился. Возле него семенил тощеватый, одетый на европейский манер человек в тусклых очках. Грициан, как ни в чем не бывало, стал ходить по дворам и созывать назавтра к своему амбару.

— Хватит вам во тьме сидеть, к свету вас поведем, — объяснял Грициан, горделиво вскидывая голову. — Про старый режим забудьте. Ныне новый режим пришел. Будем вас учить жить по-новому, думать по-новому. Даже в сортир будете ходить по-новому! Гы-гы-гы!...

На следующий день, ближе к полудню, сельчане собрались возле амбара. Тут уже стоял

стол, разделяя караваевцев и новую власть. Грициан с болящим, как признали очкастого сельчане, за стол сели. Сзади вооруженные шинели стоят, глаза кровью налились: не то от злобы, не то от перепоя. Селяне, кто ближе жил, тут же за скамейками сбегали. Стариков впереди всех посадили. Народ как в церкви разделился надвое: отдельно мужчины, отдельно женщины. Грициан на стол маузер бросил.

— Ну что, — говорит, — земляки, хватит вам дурманом свои башки забивать.

— Ты с нами не живал, так какой же ты нам земляк? — сказал кто-то. — Давай, говори яснее, зачем собрал?

— Товарищ представитель о светлом будущем вам будет рассказывать: о коммунах и всем таком прочем. А вы слушайте да на ус мотайте. Хватит вам в темноте ходить. Свет вам покажем.

— А куда священника дел? Зачем нам представитель? — зашумел народ. Данила Абрамович руку поднял. Все стихли.

Представитель встал. Прокашлялся, заговорил сипло:

— Я хочу вас обрадовать, товарищи! Мировая революция твердой поступью идет по миру. Победа революции в нашей стране — это её первый, но главный шаг, товарищи!

— Ты за войну что ли агитируешь? — спросил кто-то из фронтовиков. — Так раньше надо было чесаться. И германца до Берлина гнать.

— Я не о войне империалистов с империалистами. Я говорю о мировой революции, которая принесет счастье всему трудовому народу! И нам надо готовиться к новым битвам...

— Ты хотя бы окопы видал, опарыш? А друзей своих хоронил? А видел слезы матерей, не дождавшихся сынов? А сиротскую долю хлебал? Ежли от войны с германцами, австрияками да турками такое горе по Рассее пошло, что же будет, коли весь мир в адское месиво превратится?! Это сколько миллионов родов порушится?! С таким пойдя в гости — там и оставишь кости!

— Тихо! Дайте сказать представителю, — заорал Грициан, потрясая маузером.

— Ты бы пушку свою убрал и народ не гневил, — спокойно произнес Данила Абрамович.
— Братья и сестры, послушаем, чего они хотят.

— Мы, большевики, долго боролись за освобождение трудового народа... — начал болящий, но его снова перебили.

— Это какие большевики? — встрепнулись несколько стариков. Один из них вскочил и стал говорить. — Это не те ли, которых старцы с верхреченских скитов в столицу ходили смотреть? Так можешь дальше не маяться! Знаю мы их хорошо. Бесы-то пред старцами похвалялись: «Молитесь не молитесь, а вся власть в столице наша стала! И скоро вся Рассея под нами будет! Узнаете месть заклеянных проклятьем: разгоним христиан и церкви запрем! Пусть тогда попробует кто перекреститься!» Дивно старцам стало. Они и пошли в столицу. Дошли до новой власти. И еще больше диву дались! Вокруг них обузданные люди бегают, а бесы на плечах сидят да ими погоняют. И самый большеголовый бес на лысеньком мужичонке сидит и куда хочет, туда и правит. Только тот лысеватенький, как старцы сказали, не долго у власти будет — бес-то ему всю башку обстучал. Двое нечистых за верховодство дерутся. Один на высокомерном барине сидит, а другой коварным разбойником погоняет. Бесы-то сидят у них на плечах да дерутся нещадно. Так старцы сказали, коварный-то, наверное, верх возьмет.

— Вы тут в глухомани совсем от людей отбились! — встал Грициан. — Какие бесы? С опохмелу только бесы грозятся! Вам же говорят: большевики дали вам свободу! Загнили в болоте своем, не ведаете, что в мире творится. А мир-то пробуждается!

— Мил человек, — обратился кто-то из селян, — а что до неба из столицы стало ближе, чем от нашего Караваево?

— А при чем тут небо? — удивился Грициан.

— А при чем тут глухомань да болото?

— Дозвольте досказать, братья и сестры, — повернулся старик к народу. — Так вот, верхреченские старцы видели, как большеголовые бесы кланялись образу второй смерти; а был тот образ в виде размалеванной жены. И та жена Святому Кресту не кланялась, а на Бога хулу возводила: нет де, Господа нашего ни на земле, ни на небе. Я, мол, только царица!

— Так о чем я и хотел сказать, — взъерошился представитель. — А вы меня, товарищ, опередили. Бога на самом деле нет! И быть не может! Это доказала наука!

— Так ты бы ее сюда и привел, — сказали в народе. — Ты-то нам зачем? Пусть бы пришла наука и объяснила про нашего Бога.

— Кто пришла и объяснила? — блеснули на солнце очки.

— Твоя наука.

— Так собственно науки в человеческом облике не бывает. Это, так сказать, образ собирательный. Я бы сказал...

— Мил человек: ты туману не напускай, а скажи прямо: где живет твоя наука?

— То есть как где? В университетах живет, в головах передовых людей живет, в делах ученых...

— Ты нам голову не морочь. Твоя наука бестелесна?

— В своем роде...

— Значит, её нет! А есть лишь рабы её?! Так и нашего Бога на земле никто не увидит — Он на небесах обитает. А на земле лишь рабы Его.

— Хорошо, пусть будет ваш Бог на небесах. Но мы-то на земле грешной живем. Неужели вы хотите, чтобы ваши дети жили так же плохо, как вы? Неужели вы хотите, чтоб они всегда оставались в темноте и не увидели счастья уже здесь, на земле? Мы призываем вас построить не на небе, а на земле счастливое общество добра и справедливости. И это возможно, товарищи! Это не утопия! Коммуны...

— Стало быть, ты предлагаешь нам на манер падших ангелов отступить от Бога и строить на земле что-то доброе?

— Вот именно!— наконец-то обрадовался лектор. — Наша цель — коммунизм! Коммунизм — это пролетарское счастье на земле, это высшая справедливость, это...

— Ничего, милоч, не выйдет! Без Божией благодати падшие ангелы в бесов превратились и смогли обустроить только преисподнюю ада. И у вас ничего без Бога не выйдет!

— Тяжело с вами говорить, товарищи. Вы пока сами не понимаете, каким мраком вас окутала служанка империализма — церковь. Но это оружие классовой эксплуатации мы

уже выдернули из рук капиталистов! Наконец-то церковь отделена от государства! И когда вы увидите не зарю, а само солнце коммунизма, вы нам только спасибо скажете, товарищи! Пока же вы политически безграмотны. А неграмотный — тот же слепой.

— Уж кого-кого, а неграмотных среди нас нет! — зашумели старики. — От младости читать-писать обучены. Многие Псалтырь наизусть знают!

— Вы меня не так поняли, — вздохнул представитель и достал пачку папирос. — Я предлагаю устроить небольшой перекур. Угощайтесь, товарищи!

— Братья! Так он еще и Духа Святого из себя изгоняет! — загудели сельчане, как потревоженный улей. — Табакур он! Раб нечистого духа! Пойдем отсель, чтобы не заражаться!..

— Куда это они? — недоуменно завертел головой болящий.

— Во, какая здесь темнота?! Одно слово — раскольники!

— Так они староверы что ли? — изумился представитель и протянул пачку папирос застоявшимся охранникам.

— А я о чем вчерась говорил? — процедил Грициан, выгребая из пачки остаток папирос. — Знатный табак! Только у бар такой и видал... А здорово ты вчерась нахрюкался!.. Раскольники они! С ними никакого коммунизма не построить, даром что при царе их гнали. Я вот со всей округи только четверых бедняков смог в комбед наскрести. Остальные — все сплошь куркули! У каждого лошадь, корова — еще не одна! На хрена им наш коммунизм. Моя бы воля, так всех бы их к стенке — и из пулемета! Ты знаешь, сколь у них добра можно выскрести на мировую революцию?! У каждого по кубышке золота спрятано. Я-то знаю!

— Да-а, тяжелый случай. А я все гадаю: отчего они такие настырные? Это они от опиума народного! Фанатики, стало быть. Прав был Маркс: рабская душонка у русского народа. Ему освобождение предлагают, а он все за свое ярмо цепляется. Это все частная собственность виновата! Долго же им придется объяснять диалектику развития общества. Как они не могут понять, что сказка о Царстве Небесном — это дурная дезертирская легенда! Удобно так потерпеть, ничего не делая на земле, а потом получить все сполна! Человек рожден, чтоб бороться и творить! Творить уже здесь, на земле: он же не раб, а царь природы! А иначе существование никчемно: рождаешься только чтобы умереть. Не-ет, от предков своих, обезьян, мы обязаны отличаться! Все эти церквушки, лошадки-коровки, пеленки-распашонки — это рутина. Все это — обезьянье болото! Силой, что ли их из болота доставать?.. Ох, голова разболелась. У тебя опохмел есть? — лектор приуныл и схватился за голову.

— Найдем!.. Завтра я им покажу опохмел. У тебя че, тоже семьи нет?

— Какая там семья, если мировая революция началась?! Сейчас — только борьба! Мы, революционеры-интернационалисты, как Гераклы, должны очистить авгиевы конюшни всего мира от старого навоза! Скажу по секрету, скоро в Германии революция победит. А Россия с Германией — это сила! Товарищ Ленин уже предвидит создание Европейских штатов. Так что работы всем хватит. А ты еще настреляешься. Пошли, выпьем.

Утром следующего дня новая власть за реку уехала.

Только караваевцы на покосах своих траву повернули, как из-за реки трескоток пошел.

— Не иначе пальба? — затревожился Данила Абрамович и, не мешкая, сыновей по соседям отправил.

Скоро полторы сотни мужей да молодяжек через реку переправились и к Коршунам побежали. Старшины с дальних покосов мужей поджидали, в десятки собирали да на

лодках следом за первой дружиной отправляли. А в Коршунах шум, гам. Коршуновцы над новой властью самосуд устроили.

— Не суйся, Данило Абрамыч! — завидев бегущих, затрубил Зорило Тимофеевич. — В Караваево ты хозяин. А здесь — я! Потому уводи от греха своих молодцев. Иначе добра меж нами не будет!

— Стой, братья! — поднял руку атаман. — Ты хоть толком объясни, Зорило, что тут у вас стряслося?

— А то и стряслося, что понаехали вот эти ухари, да в церкви давай свои порядки устанавливать. Говорят, де, новая власть церковь боле не признает! Мы-то на покосах были. Одни старики да старухи с детьми малыми пришли в церковь молиться. Так оне давай их выгонять! А когда те выходить отказались, то давай стращать: счас, говорит, двери подопрем да вас всех в церкви и пожгем! Это че, вертаются порядки как при Петре-немчине? Мало тогда наших прадедов вместе с семьями в храмах пожгли?! А потом генералы царю депеши слали: вот, мол, раскольники до чего дошли — сами себя в церквах жгут. Сами сгонят народ, сожгут, а после — как не при деле! Энти той же породы! Хватит! Намаялись за два века досыта!

— А кто ныне стрелял?

— Оне первые и стреляли. Как наши-то стали сбегаться, так они и давай по ним как по германцам палить! Пятерых едва не на смерть! И братуху мово, что только наемни со столицы приехал, подцепило! Войну братуха прошел — жив остался, а энти живодеры... Пришлось вдарить со всех стволов по верх их голов. Живо, как котята, притихли. Счас мы им свой суд устроим! Будут знать, как издевку чинить! Не встречай, Данило Абрамыч, не доводи до греха!

— Постой, Зорило Тимофеевич! Остынь! Коли самосуд устроите — для всей округи не только срам, но и гибель выйдет. Им только того и надо, чтоб повод найти да войска на нас пустить.

— Не подходи, Данило Абрамыч! Энтот чернявый уж был у нас одинова. Старуху тогда обокрал да и скрылся. Все его признали. А ты хорошо знашь, как судят у нас воров.

— Стой! Стой, Зорило! — поднял руку Данила Абрамович и один пошел вперед.

Между тем коршуновских мужей с молодяжками все прибывало да прибывало. Десятские со старшинами деловито указывали места землякам. По всему видать: сбивали стену. Видя изготровку к бою, караваевские бородачи молодяжек за спины прятали: подопрете, ежели что. Малой искры недоставало до пожара. Поди потом, потуши — реки не хватит!

Данило Абрамович подошел к атаману коршуновцев.

— Твой отец, Тимофей Иванович, с моим отцом, Абрамом Ивановичем, друзьями были не разлей вода. Не одинова друг дружку выручали. Наши деды были два Ивана — Иван Большой да Иван Меньший. Те вовсе друг без друга жить не могли. И вдвоем, порой, стену разгоняли. Неужели мы до того обмельчали, что из-за каких-то паршивых волчар врагами станем? Вот волки-то порадуются, когда овны друг дружку избодают и стадо без защиты оставят. Неужли наши деды и прадеды только для того и мучались, детей своих сберегая, чтобы их потомки в братоубийстве погибли?

— Не дави, Данило, — замотал головой Зорило Тимофеевич и огромной пятерней взялся за отворот рубахи. Казалось, вот рванет себя, как пред смертным боем, и сожжет мосты к отступлению. — Я справедливости хочу! Преступники они, как есть преступники! Братуха в столице был, сызнова к купцу Онуфриеву хотел в приказчики пойти. Так говорит: Иуды власть под себя подмяли! Еще при царе им Закон не был писан. Пока война-то шла, оне по заграницам каталися, а опосля Иудами стали да помогли немцу нас завалить. А счас и супротив Бога пошли. Гнать их надо, Иуд! Доколе их терпеть станем?!

Зорило ткнул пальцем в сторону избитых шинелей.

— Дотолѣ будем терпѣть, доколе Бог будет велѣть! — строго сказал Данило Абрамович. — Видно до того прогневили мы Бога, что он над нами врагов своих поставил. И ты еще Бога гневить хочешь?! Если ты о справедливости заговорил, то уж давай положимся не на суд человеческий. Не тебя учить, что людской суд супротив Божиго — пыль. Давай будем судиться судом Божиим, как наши прадеды в таких случаях судились. Давай: один на один с тобой пред Крестом Божиим сойдемся! С войны я раны принес. Потому для тебя супротивник не слишком сурьезный. Ты победишь — суди их; Бог мне победу даст — ты им волю даешь. Но о большой бойне между единовѣрцами чтоб и речи не было! Малой кровью можно дело решить. Неси Божий Крест!

Зорило традицію знал. Отказаться не смел. Скоро огромный крест стоял между двух стен. Два мужа молитву творили, дабы Господь Бог взял в свои руки суд поединка. Природа притихла, растомившись от полуденного зноя. Солнце, словно око Господне, обозревало мир с самой высокой вершины поднебесья.

Бойцы долго смотрели друг на друга. Наконец, Зорило не выдержал. Поднял руки и медленно двинулся вперед. На полпути он взревел и необычайно прытко наскочил на противника, молотя пудовыми кулаками. Пожалуй, от такой атаки не устояла бы и стена бывалых бородачей. Но стены не было, и удары лишь рассекали воздух. Зорило приостановился, мотая головой и ища того, кого он со времен юности надеялся положить. Кто-то хлопнул его по плечу. Зорило отпрыгнул, пытаясь сообразить, как Даниле удалось увернуться и оказаться за спиной? Не рассусоливая, Зорило тут же наскочил на противника. Но вторая атака оказалась похожа на первую. И третья вышла под стать первым двум. Данила Абрамович, казалось, уже подсевший на удар, вдруг открывался за спиной противника и напоминал о себе легким похлопыванием по плечу соперника. Опытный боец, Зорило Тимофеевич понимал: доведись встретиться с таким поединщиком в смертном бою — пришлось бы уже молиться Богу о прощении грехов.

Но распалившись, боец наступал и наступал. И не мог уже остановиться. Что-то захватило его и толкало на все новые атаки. Наконец, удар гиганта, казалось бы, достиг цели. Но мощный водоворот крутанул бойца и как щепку выбросил к ногам бородачей. Зорило тяжело поднялся. Он понимал, что даже изможденный боевыми ранениями потомок рода Коловратовых для него — недостижимый противник. Но слишком много было поставлено ныне на кон. Тряхнув головой, собрав все свое мужество — хотелось реветь, рвать и метать от злости — боец медленно пошел вперед.

Мужи в стенах заметили, что атаман округи доселе толком не поднимал рук для защиты. Словно он сошелся не с опытным бойцом, а пытался уклониться от надоедливого овода.

Всем было ясно: подними Данило Абрамович руки — супротивник протянул бы ноги. И вот новая атака. Но как-то необычно ведет себя атаман. Он долго смотрел на святой Крест Господень, а после... опустил голову и застыл как кряжистый пень. В сей момент налетел Зорило. Стал волтузить противника, куда попадая! Данило Абрамович пал, даже не пытаясь закрыть лицо руками. Это только раззадорило Зорилу. Забыв о традиции, он прыгнул на того, кому всегда завидовал, и стал молотить его кулачищами.

Илья вскрикнул и бросился на выручку отцу. Но тут же остановился: тело Зорины стало трясти! Все застыли: никогда еще никто не видывал, чтобы так могло сотрясать плоть человеческую. Гигант пал на землю, заорал. А его сотрясало и сотрясало. Вдруг Зорило рыгнул и затих.

Мужики оторопели. Медленно поднимался окровавленный атаман караваевской округи. Как мертвец валялся коршуновский боец. Наконец, Зорило Тимофеевич приподнял голову, глаза его были как у месячного младенца: смотрели на все и словно не видели. Коршуновский Голиаф мотнул головой.

— Братцы! — промычал Зорило — Братцы-ы! Из меня бес вышел. Бес вышел... Братцы... Во мне бес сидел?! А ведь я в церковь ходил... Братцы... Кто же я, братцы?.. Господи!.. Господи, прости меня... Господи, прости меня...

Данила Абрамович встал на ноги. Подошел к поверженному, наклонился и стал поднимать его на ноги. Мужики, сорвавшись со своих мест, кинулись помогать. Данило Абрамович указал рукой на Крест — туда! Их подвели к Святому Кресту.

— Братья! — едва слышно заговорил Абрам Иванович. — Снова подошли к нам времена тяжелые... Но все это справедливо. Ибо по грехам нашим... Только это все земное и временное. Царство Божие как стояло, так и стоит! И стоять будет! Там наша Пасха! — выпрямился атаман, указывая перстом в небо. Глаза его грозно горели. — А здесь для нас Великий пост.

Внезапно округу осветило так, словно одновременно полыхнули тысячи молний! Все собравшиеся присели, и страх напал на каждого. Ждали грома. А грома все не было.

— Небо открывалось! — вдруг сказал кто-то.

— Точно! Старики рассказывали, что небо так открывается.

— А ведь это Господь нас освятил, — радостно выдохнул кто-то.

Мужи стали креститься и творить молитвы. Илья недоумевал. Впервые в жизни он увидел настоящее чудо! Впервые в жизни он стал свидетелем небесного Божиего Знамения! И это было столь необычно в этой, казалось бы, привычной боевой обстановке. Но он видел Это! И Это видели все присутствующие! Взгляд Ильи пал на отца. Данила Абрамович плакал и, стоя на коленях, кланялся Святому и Животворящему Кресту Господню...

Грициана с представителем да вооруженными шинелями перевезли на караваевский берег. Представители новой власти с удивлением следили за разворотом событий. Смотрели на чудаковатых мужиков, отчего-то повеселевших и возбужденно что-то обсуждавших. Все говорили о каком-то чуде. Хотя даже грамотный представитель ничего такого необычного не заметил. Воспользовавшись тем, что на них не обращают внимания, очкастый шепнул Грициану: «У нас есть прекрасный повод показать этим темным человечкам их невежество! Сделайте-ка вот что...»

Когда поднимались от реки в гору, Грициан догнал Данилу Абрамовича и сказал:

— Вляпались вы по уши! Еду в уезд... Нет, поеду в губком! Порасскажу, какие вы здесь творите самоуправства. Не думаю, что там потерпят вашу контрреволюцию.

— Чего ты хочешь? Чего добиваешься?

— Можно договориться... Думаешь, я хочу сидеть в вашей дыре? Не-е! Счас и вор — князь! Можно так развернуться... Короче! Энтот представитель предложил насчет коммуны с тобой договориться. Только я дальше его мыслю: убираем крест с вашей церкви. Временно, временно. На месяц... Может на год... Товарищи комиссары видят: я верчусь не хуже их. А за церкви счас повышение дадут не меньше, чем за коммуны. Я-то знаю! А как меня возведут в комиссары — я от вас ту-ту-у куда повыше! Комиссаром стану — в обиду вас не дам. Кому-кому, а Грициану можно верить. Уговор?

— Я такие дела один не решаю, — Данила Абрамович нахмурился и опустил голову, что доставило ему немалую боль — лицо представляло сплошное месиво. — Завтра утром к церкви соберется народ. Попробуй договориться с ним.

Вечером с «дального скита» пришел дед. Он обнял сына. Скрывая слезу, Абрам Иванович стал говорить о Божием Знамени, о тех, кого сейчас встретил по дороге, о чем говорил с ними. Данила Абрамович отца не перебивал. Но детишек, облепивших деда, отогнал.

— Вот чего, тятя...

— Знаю я все, сын, — улыбнулся Абрам Иванович. — Пущай попробуют снять крест с Божиего храма. Храм-то Божий. Божий храм!

Утром, управившись со скотиной и накормив детей, сельчане собрались около церкви. Обсуждали вчерашнее Знамение Божие. Каждый согласен был умереть, но не допустить супостата до Господня Креста!

— Да пусть присылают войска! Единодушно пострадаем за Божие дело! Пусть стреляют. Пусть мучают! Не дадим осквернять храм! Нас положат — тогда пусть делают, что хотят!..

Грициан с представителем под охраной серых шинелей подвалили к церкви. Через плечо у Грициана висел моток новенькой веревки.

Народ зашумел. Но тут появился Абрам Иванович. Подошел к новой власти.

— Доброго вам здоровья, господа-гости! — улыбнулся старик и повернулся к народу. — Братья и сестры! Храм есть Божия собственность. Коли людям захотелось взять Божиего — не будем препятствие чинить, но оставим все то на волю Господа Бога. Хотелось только узнать у господ-гостей, чего они хотят сотворить?

— Товарищи, — крикнул представитель. — Будьте сознательны! И повернитесь, наконец, к свету! Неужели вы хотите, чтобы ваши дети были такими же, как вы — отсталыми и невежественными? Опомнитесь, товарищи!

Люди молчали. Абрам Иванович еще раз спросил: «Что вы хотите сделать?»

— Мы хотим снять крест, — выдавил из себя Грициан. — Вре-мен-но! Временно! Мы же вчера обо всем уговорились!

Люди молчали. Абрам Иванович показал на веревку и спросил:

— Она надежна? А то вдруг как порвется?

— Ты че, дед?! — ухмыльнулся Грициан. — Она ж новехонькая! Быка выдержит!

— А ежели Ангел Господень мечом легонько заденет? Если разобьешься? Народу в вину

не поставят?

— Ты че, старик? Счас я вам всем докажу, что никаких Ангелов не существует! И Бога нет! А если убьюсь, ха-ха-ха, и окажусь на том свете — к тебе первому, старик, приду! — злорадствовал Грициан. В представителя пальцем ткнул. — Он свидетель, что все по-мирному у нас с вами было.

— Хорошо, ежели на том свете окажешься, а не на ту тьму вынырнешь, — обронил Абрам Иванович.

Дед повернулся в сторону церкви, перекрестился и поклонился. Отошел к селянам. Стал наблюдать за происходящим. Тем временем серые шинели уже принесли лестницу. Приставили к крыше. Грициан проворно взобрался наверх. Раскрутил веревку с «кошкой» на конце. Вскоре восьмиконечный венец золотистого купола оказался стянут удавкой. Женщины заплакали. Грициан несколько раз дернул, проверяя надежность крепления, хохотнул и стал карабкаться по крыше все выше и выше.

Внезапно резкий хлопок, словно глухой удар витня, резанул воздух. Веревка лопнула, и Грициан полетел вниз. Через мгновение на земле валялся труп. Представитель открыл рот. Наконец, придя в себя, подбежал к трупу и схватил порванный конец веревки.

— Не может быть! Этого не может быть! Мистика! Этого не может быть по всем законам физики! И почему обрыв как отрезан? Не может быть!.. — лепетал представитель, покрываясь обильной испариной. Казалось, что его более заботил необычный обрыв веревки, чем неожиданная смерть товарища,

Селяне, перекрестившись, стали расходиться.

Вечером Абрам Иванович отозвал сына. Отошли, сели за баню.

— Чудны дела Твои, Господи, — загадочно проговорил Абрам Иванович. — Вот чаго, Даня. Нечестивец-то этот, который крест хотел снять и пообещался после смерти прийти... Он ведь приходил...

— Ты, че-о, тятя?!

— Вот как тебя видел. И часу не прошло, как убился... Да я и сам удивился сему, — разговорился Абрам Иванович, еще раз переживая дневной случай. — Я у церкви молился. Слышу, рычат рядом, хрипят. Серой зловонной завоняло. Оглянулся, а его нечистые держат, ровно пса. А он перепуган весь. Только больно волосатый какой-то, сморщенный. Нечистые духи орут: «Ему обещался придти? Вот и сходил!» А он жалостливый такой, напуган весь. Давай орать мне: «Спаси меня! Помоги! Помоги!..» Я креститься давай. Тут все и пропало... Вот такие дела... Чудны дела Твои, Господи... Только, Данька, об этом молчок! Когда к Господу уйду, тогда ребятам расскажешь. А пока — молчок!

Вечером ребятня облепила деда.

— Сказку! Сказку расскажи! — лопочут. — Бывальщину про Куликово поле!..

Абрам Иванович долго не отбивался. Рассадил их по лавкам.

— Расскажу, расскажу. Для начала послушайте-ка притчу. Как-то Небесная Заступница наша, Пресвятая Богородица, по земле ходила. После пришла к Господу и говорит: «Многие люди друг другу сетуют, что не видят от Бога явных чудес. Вопрошают друг у друга: может, Бога совсем нет?» Господь говорит Пречистой Деве: «Что Мне и Тебе Жено? Разве не даю им чистый воздух, чистую воду, чистую землю, разве не посылаю свет и тепло солнца?» Ушла Пресвятая Богородица. Долго ходила по земле. Снова к Богу приходит. «Многие люди доказывают друг другу, что Тебя нет, — говорит Пречистая Дева. — А раз нет Бога, говорят они, нет и Царства Небесного; а значит,

говорят, не будет и Воскресения. Зачем тогда, говорят, соблюдать Божии установления? Решили люди свои установления поставить и построить на земле царство справедливости и счастья». «Что Мне и Тебе Жено? — говорит Господь. — Заберу от людей чистый воздух, чистую воду, чистую землю; не разрешу солнцу Моему давать свет и тепло. Пусть строят». Тогда Пресвятая Богородица наклонила голову, обронила свои Пречистые слезы и взмолилась: «Господи, помилуй! Защити ту малую дружину на земле, что искренне верит Тебе!». Господь улыбнулся и промолвил: «Жено! Если бы Я хотя бы на миг оставил без защиты род человеческий, то кто из людей смог прожить бы дольше, чем горит самый малый огарок свечи?»...